

ПРОЛОГ В «АННАЛАХ» ТАЦИТА

Изучение прологов Тацита велось, главным образом, в двух направлениях: перечислялись определенные *топики*, которые встречались у Тацита и его предшественников, после чего делался вывод о том, что прологи историка — дань традиции. Создавалась стройная картина: дошедшие до нас римские историки повторяли во вступлениях друг друга, следуя хорошо знакомым образцам. С другой стороны, прологам отводилась роль «лакмусовой бумажки», с помощью которой можно легко установить мировоззрение, политические взгляды автора, выяснить, почему он писал историю, как он к ней относился, наконец, какие цели преследовал. При чем при исследовании прологов все сохранившиеся сочинения Тацита безоговорочно либо с небольшими оговорками включались в одну жанровую систему. Тор Янсон, специально занимавшийся предисловиями римских прозаиков, перечислив встречающиеся у Саллюстия, Ливия и Тацита *топики*, приходит к выводу, что на протяжении нашего столетия предисловия к историческим сочинениям неоднократно подвергались различному разбору, поэтому бессмысленно говорить о каком-то их детальном анализе¹. Столь категоричное суждение, не подкрепленное убедительными доказательствами, едва ли может быть принято. Новые комментарии к «Анналам»², работы последних лет, посвященные непосредственно *praefatio*³, побуждают более внимательно взглянуть на пролог и попытаться определить, внес ли Тацит что-либо новое, индивидуальное или он полностью следовал уже известным образцам.

В жанровом отношении Тацит движется от простого к более сложному: «Жизнеописание Агриколы», «Истории», «Анналы». «Германия», как известно, пролога не содержит, а «Диалог об ораторах» едва ли можно отнести к историческим произведениям. Пролог в «Диалоге об ораторах», однако, позволяет представить влияние традиции как формообразующего начала. Этот пролог существенным образом отличается от трех других прологов и очень близок к прологам ципероновских диалогов.

В каждом случае объем *praefatio*, его состав, композиция и цель являются различными. Определенные *топики* встречаются во всех четырех прологах, указывая на связь с традицией, однако их расположение, задачи, функции различны, ибо диктуются жанром произведения. *Praefatio* соотносится с *narratio* как часть с целым, изменяясь и перестраиваясь в зависимости от целого, испытывая влияние этого целого и воздействуя на него в свою очередь.

Традиционные элементы прологов, как сообщает Квинтилиан (X, 1), следующие: автор, тема, отношение автора к теме, историческая концепция автора, обзор предшествующих событий. Эти основные элементы могут выступать в самой разнообразной последовательности, а некоторые не появляться совсем. Поэтому каждый исторический пролог содержит в себе как традиционные, так и сугубо индивидуальные черты.

Общим для всех прологов Тацита представляется то, что они занимают довольно самостоятельное положение, полностью отличаясь от *narratio* и напоминая обширные заглавия, с которыми автор непосредственно обращается к читателю или слушателю. *Praefatio* в «Историях» и «Анна-

¹ Janson T. Latin Prose Prefaces. Stockholm, 1964, p. 64—65.

² Cornelius Tacitus. B. I, erläutert von E. Koestermann. Heidelberg, 1963; The Annals of Tacitus, Books 1—6. Ed. with a comm. by F. R. Goodyear. V. I. Cambr., 1972.

³ Koestermann E. Der Eingang der Annalen des Tacitus.— Historia, B. X, H. 3, 1961, S. 330—355; Wimmel W. Roms Schicksal in Eingang der taciteischen Annalen.— Antike und Abendland, B. 10, 1961, S. 35—52; Schönberger O. Der Eingang der taciteischen Annalen und die «Neue Ober tu es».— Anregungen, 1963, S. 230—234; Schillinger-Häfele. U. Zum Annalen proömium des Tacitus.— Hermes, 94, 1966, S. 496—500; Leeman A. Structure and Meaning in the Prologues of Tacitus.— Yale Classical Studies, 23, 1973, p. 169—208.

лах» — откровенно монологическая речь, за которой следует характеристика *status urbis*, и лишь тогда начинается повествование.

Качественно новым элементом, который Тацит вводит в пролог, является антитеза между республиканским прошлым и императорским настоящим. Противопоставление прошлого настоящему встречалось в прологах Саллюстия и Ливия, однако там оно носило несколько абстрактный этический характер, тогда как Тацит выдвигает на первый план политический момент. Антитеза прошлое — настоящее содержится во всех прологах Тацита. Это стержень, который соединяет тему и автора, историю и историографию, выступая в качестве главного организующего фактора:

Dialogus: *priora saecula — nostra aetas*

Agricola: *antiquitus usitatum — nostris temporibus*

Historiae: *prioris aevi — postquam bellatum apud Actium*

Annales: *veteris populi Romani — temporibus Augusti, Tiberii.*

Тацит, видимо, единственный из историков I — начала II в., который отчетливо понимал значение победы Октавиана при Акции и видел в этом событии рубеж, отделяющий один этап римской истории от другого⁴. Антитеза прошлое — настоящее связана с противопоставлением *libertas — dominatio* и наполнена у Тацита глубоким политическим смыслом. Если для Саллюстия и Ливия *libertas* — это свобода от личного пристрастия и внешнего влияния, то *libertas* Тацита — это политическая свобода. Ко времени написания «Анналов» у автора сложилась собственная концепция римской политической истории, изложением которой и открываются «Анналы».

По своей внутренней структуре пролог в «Анналах» образует сложное единство, которое разбивает три основные темы: история, историография, замысел автора. Они соединены не только последовательной логической связью, но и противопоставлены между собой, что еще больше усиливает внутренние связи между ними.

Сначала излагается история Рима от эпохи царей до прихода к власти Августа. Короткие рубленые фразы придают повествованию интенсивность и динамизм. Перечисление политических институтов, ограничивавших действие *libertas* на время, завершается понятиями неконституционными: *dominatio*, *potentia*, *arma*, которые устранили свободу навсегда. Аккуратнейшим образом приводятся случаи *dominatio* еще в период республики. Прежде всего указано общее отступление от республиканской свободы — *dictaturae*, которое было временным и вызывалось необходимостью момента.

Затем следует ряд особых случаев: *potestas decemviralis* и *consulare ius tribunorum militum*, также вызванных чрезвычайными ситуациями в истории республики. Все указанные нарушения свободы были непродолжительными и носили законный характер. Недолгое господство Цинны и Суллы явилось как бы промежуточной стадией и создало прецедент, после которого свобода была быстро и легко уничтожена. Конец *libertas et consulatus* принес первым не Август, но уже Цезарь. Двойственное значение *potentia* указывало не только на союз могущественных сил, будучи противопоставлено военному союзу (*arma*), но означало власть, которая не основывалась на конституционных началах, а была неофициальной. *Dictaturae* проложили путь *dominatio*; *potestas*, официально врученная децемвирам, перешла в *potentia*; *ius* было заменено *arma*.

Перечисление, сделанное в столь стремительном темпе, служит средством выразительности и подчеркивает значение каждого отдельного понятия, противопоставляя его как последующему, так и предыдущему.

⁴ Klingner F. Tacitus und die Geschichtsschreiber des ersten Jahrhunderts nach Christus. — Museum Helveticum, 15, 1958, S. 194—206.

Единственное выражение, стоящее несколько особняком, — *urbem Romam*; но оно дает основу для всех последующих противопоставлений.

Urbem... habuere читается как гекзаметр в архаической манере. Он открывает широкое хронологическое движение, характерное для всех прологов Тацита, и включает автора в ряд историков *urbis Roma*. Тацит пишет историю города Рима в соответствии с «величием римского народа» (*dignitate populi Romani* — *Ann.* XIII, 31, 1), ибо здесь лежит центр власти. Помимо этого *urbis Roma* обладает для Тацита политической и этической ценностью.

Использование стихотворных размеров в прозе, включая целые стихотворные строки, было заметной чертой уже у Целия Антипатра⁵. Многочисленные попытки установить источник тацитовского гекзаметра не принесли заметного успеха⁶. Независимо от решения этого вопроса возникает предположение, что историк указывает читателю или слушателю на какой-то ранний, возможно, анналистический источник, делая тем самым намек на старую республиканскую форму анналов. Может быть, Тацит просто следует знакомому примеру республиканских анналистов, которые вызывали у него откровенную симпатию. Точно, сжато и протоколно историк излагает не ход исторических событий, но отмечает смену политических институтов. Подобно республиканскому анналисту, он регистрирует факты. Отсутствие непосредственно выраженной личной оценки создает впечатление, что автор исчезает, вместо него перед читателем каталогизатор политических институтов.

Отношение автора обнаруживается не в оценке сообщаемых фактов, а в их расположении, в соединении и смещении конституционных и неконституционных понятий. Выбор и переименование государственно-правовых институтов, подобно *токой* исторического пролога, подчинены общему замыслу — дать известным фактам новое объяснение. Шаг за шагом прослеживается, как Рим утрачивает *libertas*. Одновременно Тацит как будто дает понять, что *dominatio* начинается с самых ранних эпох римской истории. Мысль о постепенном переходе и, возможно, о движении назад определяет размещение в прологе основных политических понятий⁷. Рим вернулся к той стадии постоянного *dominatio*, которое было вначале: *urbem Romanam a principio reges habuere* — городом Римом изначально управляли цари. Режим, установленный Августом, часто ассоциируется у Тацита с царской властью. Тиберий с малых лет воспитывался «в царствующем доме» — *in domo regnatrice* (*Ann.* I, 4, 4); царствующим правителям (имеются в виду Тиберий и Август) не нравится склонность сыновей к народоправству — *displicere regnantibus civilia filiorum ingenia* (*Ann.* II, 82, 2). Сеян, стремясь захватить власть в государстве — *parando regno* (*Ann.* IV, 1, 3), внушает Ливии надежду стать соучастницей правления — *consortium regni* (*Ann.* IV, 3, 3). Когда стало известно о гибели Британика, многие отнеслись к этому событию довольно равнодушно, зная по опыту далекого прошлого, что царская власть всегда неделима — *in-sociabile regnum* (*Ann.* XIII, 17, 1).

Время правления Тиберия выразительно определяется: *Tiberio regente* (*Ann.* IV, 33, 4), а Клавдия — *regente eo* (*Ann.* XIII, 3, 1).

Очертив хронологические границы истории *urbis Roma*, перечислив все случаи наступления на свободу и точно указав момент, когда свобода была заменена *dominatio*, Тацит переходит к историографии.

Вторая часть пролога открывается выразительно поставленным в манере Саллюстия *sed*, отделяя историю от историографии, противопоставляя одно понятие другому и указывая на зависимость историографии от

⁵ *Badian E.* The Early Historians.— In: *Latin Historians.* Ed. by T. A. Dorey. L., 1966, p. 17.

⁶ *Goodyear.* — In: *The Annals of Tacitus,* p. 89—90.

⁷ *Bardt C.* Die ersten Sätze der Annalen des Tacitus.— *Hermes,* 29, 1894, S. 452—457.

истории. Переход мысли настолько резкий, что Р. Сайм предлагал издателям разбить пролог на два отдельных параграфа⁸. Если согласиться с его замечанием, sed следует понимать лишь как переходную частицу, отмечающую введение нового параграфа. Значение союза в данном случае много шире, он не только вводит новую тему, не только разделяет, но соединяет и способствует дальнейшему развитию антитезы *libertas—dominatio* уже в области историографии. Значение его здесь двойственно; противопоставляя и связывая разнородные понятия, союз вносит элемент субъективной оценки и логически подготавливает сообщение о намерении автора.

Развитие историографии излагается параллельно движению истории, оно тоже делится на несколько этапов и отражает борьбу между свободой и деспотизмом. Подобно тому как политическая власть в Риме началась для Тацита с *reges* и, пройдя несколько разных периодов, превратилась в *dominatio* и *regnum*, так историография совершила свой путь развития: *clari scriptores, decora ingenia* — последние, не без иронии замечает Тацит, не смогли до конца выполнить свою высокую миссию, ибо были отвращены *gliscente adulatione* — «постепенно усиливающимся раболепием». Историография эпохи Августа, еще не утратившая полностью республиканскую свободу, находилась на переходной стадии. Идею перехода, мысль о постепенном изменении как истории, так и историографии прекрасно выражает глагол *glisco*, столь часто употребляемый в «Анналах»⁹. Наконец, деяния Тиберия и последующих императоров излагались лживо, так как свобода окончательно исчезла и историкам оставалось льстить живым правителям либо поносить умерших.

Несколько раньше в прологе «Историй» Тацит разделил своих предшественников на две группы: республиканские историки, которые писали о деяниях римского народа, обладали в равной степени красноречием и свободой; следовавшее за ними поколение императорских историков утратило эти качества прежде всего потому, что власть в государстве перешла к одному лицу, т. е. была утрачена свобода, а вслед за ней — красноречие. Из этого следует, что все, написанное императорскими историками, должно быть переделано. И в прологе «Историй» можно усмотреть намек написать «Анналы».

Тацит не ограничивается общим заявлением об упадке историографии. Он называет точную дату этого события — битва при Акции, после которой великие таланты, способные описать деяния римского народа, исчезли. Очевидно, оценивая своих предшественников, Тацит каждый раз стремится объяснить, почему он избрал именно эту тему: в своем первом труде он намерен сделать то, что еще не было сделано другими, а во втором переделать и исправить то, что, по его мнению, было сделано не так.

Начиная «Анналы», Тацит дает более строгую дефиницию: эпоха Августа еще допускала возможность существования *deco* *ingenia*, будучи переходной эпохой, но к концу правления они исчезли. Таким образом, Тацит как будто внушает читателю мысль о постепенном изменении характера историографии и о превращении ее из описания деяний римского народа в описание деяний императоров.

Имена предшественников Тацит не называет. Подобная фигура умолчания говорила значительно больше, а внешне безликая оценка выражала определенную объективность. Как и при изложении политической истории Рима, сделанном ранее, приводятся только факты, противопоставленные между собой, а порядок размещения обнаруживает отношение автора, придавая им субъективный характер. Тацит никоим образом не отрицает возможности существования историка, следовавшего в своих трудах *libertas*, ведь тогда ему пришлось бы отрицать как свои труды,

⁸ *Syme R. Tacitus. V. I. Oxf., 1958, p. 304.*

⁹ *Gerber A., Greef A. Lexicon Taciteum. Lipsiae, 1903, s. v.*

так и сочинения Кремуция Корда, либо Сервилия Нониана, которые вызывают у него несомненное уважение. Тацит считает нужным во вступлении говорить не об отдельных авторах, а указать на общую тенденцию историографии первого века. Он мало ценит историков предшествующей эпохи и своего времени, ибо считает их слишком услужливыми или слишком суровыми по отношению к принципсам. Обвинения Тацита сводятся в основном к следующему: историки принципата много хуже республиканских, так как пренебрегали истиной; их следует читать с большой осторожностью, их труды нуждаются в замене¹⁰. Суровый приговор Тацита, вызвавший недоумение и осуждение исследователей, несомненно содержал какие-то намеки, понятные его современникам, но навсегда утраченные для нас. Вместе с тем историк обосновывает здесь необходимость пересмотра историографической традиции и создания нового труда. Лишь после этого сообщается намерение автора (*mihi consilium*) и определяются хронологические границы «Анналов». Новое широкое противопоставление, имеющее ярко выраженный полемический характер, заканчивается заявлением о беспристрастности автора. Тацит намеревается писать историю периода, уже неоднократно изображенного другими, отсюда полемическая заостренность вступления. Причем историк полемизирует не только с авторами, труды которых он отрицает, но и с авторами, заслужившими его расположение. Полемическая направленность *praefatio* обнаруживается в полном отказе историка следовать сложившейся традиции, которая должна быть отброшена как не соответствующая истине и достоинству римского народа.

Соединив все элементы пролога доминантой *libertas — dominatio*, Тацит тем самым дал понять, что намерен написать историю принципата не из-за величия этой темы или личного интереса к ней. Решение диктовалось необходимостью рассказать правду, которая искажалась предшествующими авторами по разным причинам. Цель историка во вступлении не столько определить предмет изображения и доказать его значительность, сколько подчеркнуть, что его сюжет должно рассматривать как продолжение рассказа об окончательно наступившем рабстве. Стремление начать рассказ с того момента, когда истина стала искажаться и утаиваться, побуждает историка ясно определить хронологические границы повествования. Полемически настроенный к предшественникам, Тацит пишет не историю, но «комментарии» к истории, уже написанной другими. Извечный антагонизм между свободой и рабством иллюстрируется во вступлении примерами рабства в эпоху республики, чтобы затем внимательнейшим образом выделять проявления свободы даже в условиях принципата. Эта основополагающая мысль Тацита трансформировала традиционные элементы пролога следующим образом: события прошлого не просто излагаются, но противопоставляются настоящему; сведения об авторе, его карьере, планах на будущее отсутствуют — уникальный пропуск в исторических прологах античности¹¹. Концепция постепенного перехода одних политических форм в другие и связанные с этим изменения историографии определяют форму пролога — он превращается в действие, полностью раскрывающее и обосновывающее намерение историка.

А. С. Крюков

¹⁰ *Boissier G.* Opinion de Tacite sur les Histories qui l'ont précédé.— *Journal des Savants*, 1900, Septembre, p. 550; *Goodyear.*— In: *The Annals of Tacitus*, p. 94, 98; *Lee-man.* Op. cit., p. 195; *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. М., 1981, с. 101—108.

¹¹ *Mendell Cl. W.* Tacitus, the Man and His Work. Oxf., 1957, p. 118.

THE PROLOGUE TO THE *ANNALS* OF TACITUS

A. S. Kriukov

The antithesis *libertas* — *dominatio* pervades the introductory chapters of the *Annals*, transforming the traditional features of the prologue and engendering new contrasting elements: history, historiography, the author's plan. The conception of gradual transition from one set of political forms to another and consequent changes in historiography give this prologue an emphatically polemical ring, convincing the reader or hearer of the need to produce a new kind of historical work, which Tacitus proceeds to do.
